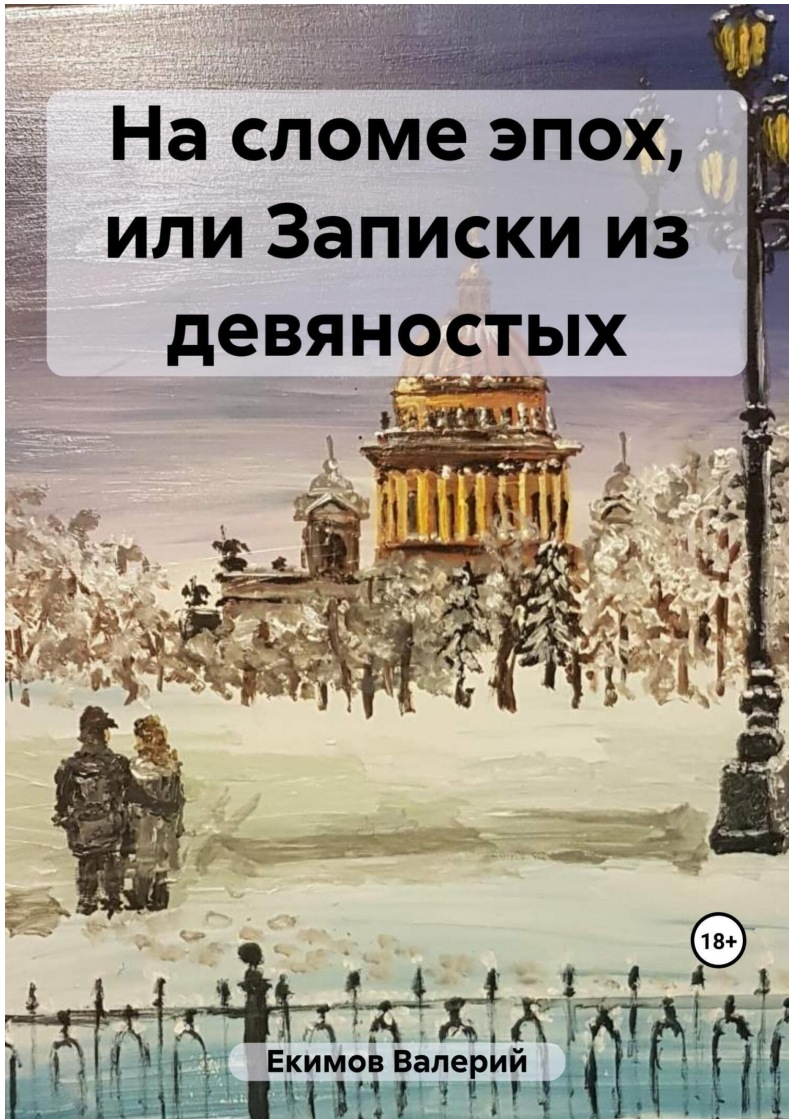

На сломе эпох, или Записки из девяностых

18+

Екимов Валерий

Валерий Петрович Екимов

На сломе эпох, или

Записки из девяностых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69423859

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов «На сломе эпох» – это черновик первого тома потерянных во времени историй-былинок из серии книг "Просто о прошлом", рассказывающие о судьбах и преодолении вчерашних курсантов (молодых офицеров запаса) и их семьях (молоденьких девчонок-жён), волей случая попавших в начале 90-х годов прошлого века из-за случившейся со страной "Перестройки", под сокращение штата и затянувшееся на десятилетие безвременье.

Содержание

Глава №1 – И вечный бой	4
Глава 2 – "Странные люди, или Люди и кошки"	13
Глава 3 – "Странные люди, или Люди и собаки"	23
Глава 4 – "Розовая табуретка"	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Екимов

На сломе эпох, или

Записки из девяностых

Глава №1 – И вечный бой

...Начало девяностых.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Поздний вечер или, видимо, уже почти ночь.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

– Странная нам с тобой на этот раз общага досталась, – шепчет мужу на ухо утомлённая долгим нескончаемым днём девушка, едва разменявшая второй десяток, только-только уложив своего годовалого сынишку и трехлетнюю дочурку спать в разборные кресла, плотно прижатые к их с мужем полутора спальной тахте.

– И что в ней такого уж странного? – нарочито бодро шепчет в ответ чуть старше её паренёк, осторожно составляя в раскрытый шкафчик над кухонным столиком, вплотную придвинутый к выступу входной двери малюсенькой комна-

тёнки в восемь квадратных метра, принесённую с общей кухни посуду. – Общага – она и есть общага, что от неё ждать-то?.. Не в первый раз, Малыш, прорвёмся...

– Пони-ма-ешь, – по слогам тянет жена, осторожно задерживая занавески на узком высоком окне-двери с противоположной стороны комнаты, выходящей на общий балкон, опоясывающий весь четвёртый этаж здания, выполняя, видимо, попутно и функцию эвакуационного выхода. – Люди здесь не такие какие-то, – говорит, задумавшись, – не сравнишь с нашими бывшими соседями из общежитий в военных городках.

– Так время было другое, – отзывается парень, тихо присев на повидавшую виды квадратную табуретку-баночку, захваченную при увольнении со своего ныне списанного в утиль корабля, – да и место тоже. Вот и люди там были другие, Перестройка, как никак, случилась, пони-ма-а-ать надо!.. – нарочито бодро тянет по слогам.

– Да уж, Перестройка, – вздыхает девушка. – Звучит, словно «катастрошка» или правильнее... «разруха» из уст профессора Преображенского в книге Булгакова «Собачье сердце».

– С чего бы это?

– Да с того, – жмёт плечами, – сам посмотри, вон в комнате напротив нашей, к примеру, без каких-либо перспектив второй год живет семья начальника вертолётного училища. А он, между прочим, заслуженный летчик Советского Сою-

за, переведённый сюда из каких-то дальних южных ныне сокращённых боевых воинских частей.

– Видел, – сникает паренёк. – Заслуженный человек, пожилой, по виду так уж и за шестьдесят можно дать.

– Вот-вот! И жена у него тоже: такая статная дама, а идёт по коридору ото всех глаза прячет, ни с кем не разговаривает, из комнаты почти не выходит, похоже, пьёт по-тихому.

– С ними, кажется, ещё и дочь проживает, – вскидывает глаза, – вот только что-то её совсем невидно.

– Говорят, съехала, – кивает девушка, – живет где-то в городе гражданским браком.

– Каким... браком?

– Ну, с мужиком, то есть, не расписываясь в Загсе.

– Как это?

– А вот так!.. – вздыхает. – Теперь так принято.

– А родители... что?

– А что родители? – жмёт плечами. – Денег у них... на свадьбу ныне всё равно нет, да уже и не будет теперь, наверно.

– Да уж, дела.

– А у соседей справа, – загораются глаза, – как и у нас, двое детей.

– А с ними-то что не так?

– Он какой-то бригадир на местном судоремонтном заводе, в очереди на жилье второй десяток лет стоит, а ему всё не дают и не дают, хотя обещали...

– Кто?

– Не знаю кто, – вздыхает устало, – возможно, дирекция завода, а может ещё кто...

– Про это я, кажется, что-то слышал, – усмехается муж, – там какая-то некрасивая история вышла

– Какая ещё история?

– Ну-у, – тянет, неохотно, – понимаешь, похоже, мы с тобой опять, как и четыре года назад в Минной гавани, кому-то дорогу перешли, заехав в эту общагу.

– Феликс, – вообще-то старший лейтенант запаса Стариков Валерий Феликсович, но со времен появления в его полном имени этого легендарного отчества, его почему-то все, даже дома, так называют, – а ведь ты мне совсем не рассказывал, как тебе удалось выбить эту комнату в общежитие. Мы ж теперь, после сокращения из армии, никакого отношения ни к военному ведомству, ни тем более к судоремонтному заводу, не имеем.

– Не имеем, – кивает новоиспечённый отставник.

– И как тогда?

– Как и в прошлый раз, – улыбается, – через секретарей, заведующих, комендантов и прочий вездесущий персонал всего и вся.

– Каких секретарей, заведующих?.. Коммунистическую партию после путча, кажется, запретили. Кстати, а что там у тебя с постановкой на учет в местном обкоме, первичной ячейке?

– Да, ничего, – машет рукой, – нет теперь той ячейки, куда я документы на регистрацию сдал, самораспустилась, говорят, мол, скоро будут создавать новую организацию, с новым названием и новыми задачами.

– Пойдёшь?

– Нет, – сжимает кулаки. – Выходить в трудную минуту из партии, как это модно было, ни за чтоб не стал, но и обменивать свой старый добрый партбилет на новый, тоже не стану. А насчет секретарей и заведующих, – успокаивается, – понимаешь, Малыш, так ведь они не только у партии имеются, но и в других структурах, всё и всегда в мире держится и управляется исключительно ими.

– Где ж ты теперь-то их нашёл?

– Здесь и нашел, – смеётся. – Пришел в общежитие по вызову из нашего ЖЭКа для восстановления работоспособности их слаботочных линий и, пробежав по этажам, вдруг выяснил, что вот уже как год общежитие полностью снято с баланса завода.

– Как это?

– А вот так.

– И как же они теперь? – дивится Малышка. – Без довольствия-то.

– Как и все, на полном самофинансировании и окупаемости.

– Поня-ятно, – тянет. – Но нам-то от этого что?

– Как что? – улыбается Феликс. – Как минимум то, что

комендант общежития теперь сам выдаёт и забирает ордера, сам устанавливает квартплату?

– Это я поняла, но что с того?

– А то, что комендант общежития в отличие от директора крупного военного завода человек местный, а не назначенный Бог весть откуда. А значит выйти на него земляку, прожившему в этом небольшом городе всю свою жизнь, большого труда не составит, тем более, если пообещать ему, платить за его восьми квадратную комнатёнку в два раза больше, чем тот же полковник напротив и в четыре, чем наш сосед-бригадир завода справа.

– И такой человек, – радуется жена, – ты?!

– Правильней сказать – мы! – смеётся. – Ну, а ещё точнее мама, которая ещё в юности работала на этом заводе вместе с будущим комендантом общежития в их ведомственном детском садике, куда меня, кстати, ещё малышом водили.

– Здорово!

– Но квартплата и вправду получилась: «мама не горюй», – вздыхает парень. – Дороже даже, чем родительская трехкомнатная «хрущевка», где они вместе с семьей брата теперь прописаны.

– Зато без явных войн, не то, что в прошлый раз, за место под солнцем.

– Без войн пока только за место под звездами вышло, – загадочно улыбаясь, кивает в сторону тёмного окна, – а вот за солнце нам с тобой всё-таки придётся побороться.

– Опять?

– Ну-у, видишь ли, – неохотно тянет, – не хотел тебе говорить.

– Да уж говори, – неумело хмурит свои светлые бровки Малышка, – чего уж теперь, раз проговорился.

– Да, на самом деле, нечего тут говорить, – невесело усмеивается Стариков. – Этот наш сосед-бригадир жалобу куда-то в администрацию города накатыл, подходил, предупреждал, а ещё грозил всей бригадой прийти разбираться.

– И что ты? – не на шутку пугается девушка.

– А что я? – беззаботно машет рукой Феликс. – Этого-то «гегемона», как прошлый раз старпома с Базового тральщика в политотдел не потащишь, вот и предложил ему, как мужик с мужиком бицепсами друзей и товарищей не мериться, а выяснить отношения один на один, если он, конечно, готов. Ну и на всякий случай напомнил, что это мой город, а не его, здесь меня каждая собака знает, а вот откуда он тут появился, да и его бригада в придачу, ещё посмотреть нужно.

– И что он?

– Да ничего, – смеётся, – хорохорится, ну, да шут бы с ним, тут другое...

– Что другое?

– Жалко их, понимаешь, правда – жалко! Он говорит, что когда у них младшая в прошлом году родилась, ему на заводе комсомол твердо натывердо обещал помочь эту комнату получить. Вот они и ждали её целый год, пока из неё при-

балтийские рабочие съедут, они тут на заводе какой-то специальный заказ как раз заканчивали.

– И почему ж им не дали?

– Я ж говорил, общежитие теперь не заводское, оно на самокупаемости, платить двойной тариф за вторую комнату бригадир, отказался, надеясь, что комсомольская организация завода за них вступится.

– А комсомольская организация, – вздыхает Малышка, – как раз к этому времени почилa в Бозе, распалась.

– Так точно, – по-военному отзывается недавний отставник. – И мы с тобой вдруг на радость коменданту обанкротившейся общаги свалились ему на голову, согласившись платить не двойной, а даже четвертной тариф, да к тому ж ещё мне пришлось пообещать обслуживать бесплатно всю их электрику и слаботочку.

– Бартер?

– Так точно, – кивает, – теперь во всем и везде один бартер: ты мне – я тебе!

– И что сосед?

– А что сосед? – вскидывает брови. – Говорит, что он это так не оставит, мол, будет писать жалобы везде и всюду, пока не вышвырнет нас с тобой отсюда.

– Куда?

– Да его это не волнует – куда!

– Хо-ро-ши-е дела, – тянет по слогам.

– Лучше не придумашь – всё, как всегда!

– И что же нам с тобой делать?

– Отличный вопрос!

– А главное новый, – вздыхает, намекая на работы классиков прошлого века, – но всё же – что?.

– Как что?.. Тоже, что и прежде.

– «И вечный бой!..»?

– Так точно, – привычно горят глаза Феликса, – «...Покой нам только снится...».

– С тобой не соскучишься.

– И с тобой... тоже, – радуется, продолжая цитировать знаменитые строчки Александра Блока, – «...Сквозь кровь и пыль... летит степная кобылица...».

– «...И мнет ковыль...», – почему-то грустно ставит точку Малышка.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

Поздний вечер или, видимо, уже почти ночь.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Начало девяностых...

Глава 2 – "Странные люди, или Люди и кошки"

...Начало девяностых.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Поздний вечер или, видимо, уже почти ночь.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

– Ну, а ещё какие странные люди... проживают тут, в нашем новом, надеюсь, временном пристанище? – нарочито бодро, чтоб как-то поддержать свою жену, выдыхает вчерашний скоропалительный отставник из рядов военно-морского флота по случаю массового сокращения его личного состава старший лейтенант запаса Феликс Стариков, нежно целуя её носик и глаза.

– Ничто так не постоянно, как временное, – шепчет мужу на ухо утомлённая долгим нескончаемым днём девушка, едва разменявшая второй десяток, только-только уложив своего годовалого сынишку и трехлетнюю дочурку спать в разборные кресла, плотно прижатые к их с мужем полутора спальной тахте.

– Согласен, – улыбается тот в ответ своей такой же юной,

как и у неё, почти ещё не тронутой утратами времени и судьбой, улыбкой, – философ ты наш ненаглядный, но всё же.

– Да вон, к примеру, Лариска из соседнего холла,

– Кто-кто?

– Ну, маленькая такая, худенькая, вечно несущаяся куда-то с вытаращенными глазами с кошкой в руках.

– Да-да, что-то такое припоминаю, только не кошкой, кажется, а кошками, они у неё каждый раз разные.

– Вот-вот, – вздыхает его Малышка, – она сюда, к нам на четвертый этаж, уже всех кошек со двора перетаскала, а те у неё в комнате сидеть не желают, чуть что – сразу за дверь, а она за ними по этажам носится, кричит, ловит...

– Ты знаешь, – грустнеет и Феликс, – у нас в детстве, когда мы с родителями на Загородной улице ещё в рабочих бараках жили, была такая же странная соседка, она тоже всех кошек и собак с улицы в дом тащила. Ох уж, сколько там, через стену к нам блох и тараканов лезло – жуть! – помню, родители как-то, не выдержав, вызвали санэпидстанцию и участкового милиционера, все-таки дети кругом, многие болели лишаем.

– И что?

– Ничего. Кошек забрали в приют, старушке выписали штраф, а она потом даже заболела, чуть не умерла.

– Из-за денег?

– Из-за кошек, говорила, что во время блокады, они ей жизнь спасли.

– Как спасли?

– Ну-у, понимаешь, рассказывала, что кушали они их тогда, иногда даже сырыми, когда дров не найти было.

– Ах... – с ужасом выдыхает Малышка.

– Время было такое, ничего не поделаешь. А после, спустя годы, она уже не могла мимо бездомной животины просто так пройти, не накормив её, не приласкав.

– Да-а, – горько тянет, – грустная история, но здесь-то явно другое, Лариска эта кошек дома не кормит, она их просто так домой тащит, из интереса, что ли, вот они и разбегаются от неё кто куда подальше.

– Может, она просто не успевает их покормить.

– Вот уж не знаю, себя-то она накормить не забывает, да к тому же за чужой счет.

– Что значит за чужой?

– А то и значит, – машет рукой, отвернувшись. – Поставила я днём на кухне суп вариться и отошла буквально на пять минут, чтоб детей уложить, пока он не закипел. Возвращаюсь, а там из нашей большой кастрюли Лариска прямо руками мясо вылавливает и кусает его.

– Как это... кусает?

– А вот так... зубами кусает.

– Ну-у, и ты? – округляет глаза муж.

– А, что я? – разводит пуками. – Спросила её, вкусно получилось?

– А... она?

– Говорит, что вкусно, мол, решила помочь – пробу снять.

– А... ты?

– Говорю, что так нельзя, что у нас, слава Богу, ещё пока не коммунизм, и что я всё утро для этого супа по магазинам с детьми за продуктами бегала, потом их чистила, резала, варила.

– А она?

– Молодец, говорит, Бог в помощь.

– Да уж! – вздыхает потрясённый Феликс. – У неё видно по поводу коммунизма другое мнение имеется.

– Возможно, что и другое, но выливать такое количество продуктов жалко, объяснить ей что-то о правилах поведения невозможно, она, кажется, вообще мало что понимает, в лучшем случае, в качестве компенсации принесет какой-нибудь свой кусок мяса взамен съеденного, – сокрушается Малышка. – В общем, пришлось отдать ей наш суп вместе с кастрюлей, всё равно теперь в ней я ничего приготовить не смогу, примета плохая.

– Правильно сделала! – кивает. – Интересно, откуда она вообще тут взялась?

– Соседи про неё говорят, что она на заводе кладовщиком, что ли, работает, даже муж у неё был, да погиб вроде как при странных обстоятельствах, вот она после этого... и заболела – психическим расстройством.

– Всякое в жизни случается, – с сожалением шепчет муж, – но это не повод сумасшедшую рядом с детьми в од-

ном доме держать.

– А куда её девать-то?.. Кому?.. Она же одинокая. К тому же медики не видят основания для её изоляции: не пьющая, не буйная, тесты проходит лучше других, да и изолировать-то теперь просто так не получится, только по суду. А кто в суд пойдёт?.. С чем?.. На работу она ходит вовремя, исправно, претензий, вроде, нет. Да и заводу не до неё ныне, говорят, уже третий месяц без работы на грани закрытия стоит, зарплату людям не платит, заказов нет.

– Да-а, дела-а, – обречено, тянет Стариков. – И как же ты потом готовила?

– Так и готовила, – вздыхает, – достала нашу старую плитку.

– Ту самую, что... с «Антилопы»?

– Ту самую, – грустно кивает, отворачиваясь и пряча слёзы.

– Да-а, – снова тянет Феликс. – Всё возвращается на круги свои. А, помнишь?.. – вдруг оживает. – Мы тогда ещё и утюг, и кипятильник, и электрочайник купили в нашу общагу у Минной гавани.

– Помню, конечно, – улыбается, – всё нашла, достала, теперь буду готовить исключительно в комнате, так и проще, и спокойней получится.

– Ну, и правильно, – хмурит брови муж. – Вот только, наверно, по противопожарной безопасности так нельзя, не положено.

– Чего это не положено?.. Это ты где такого поднабрался, в своей новой конторе, что ли? Здесь все так делают. На общей кухне все равно на трех стационарных плитах лишь две конфорки исправны, да и те через пень колоду греют, а уж какой там зверинец развели, сказать страшно.

– Да, ладно-ладно, это я так просто... предупредить, смотри только аккуратней, не оставляй их без присмотра, особенно с детьми.

– Конечно, как всегда, – успокаивает его жена. – А помнишь, как мы в прошлой общаге, прежде чем заехать, обои клеили, потолок белили?

– А как же, – отзывается, – мы тогда и клей сами из муки и крахмала варили, добавляя что-то туда против грибка и насекомых.

– Дуст! – подсказывает.

– Во-во, вонючий... страшно: всех клопов и тараканов, а заодно и соседей на целую милю от нашей комнаты отогнали.

– Точно-точно, – хохочет, – он и нас тогда чуть бы отогнал, точнее выгнал, да идти было некуда, вот и ютились посреди пустой комнаты с чудесным ароматом да ещё на списанных матрасах, что ты на первое время с корабля притащил.

– Да уж, – брезгливо морщится Феликс, – было дело.

– А потом ты ещё щенка притащил, только-только народившегося у Чуни, прибившейся к вашему дивизиону дворняги.

– Да помню, – улыбается, – как Тоха, тебе спать по ночам

не давал, требуя с ним поиграть, пришлось отнести обратно на «Антилопу» под присмотр боцмана Стрельбы.

– Это он нас тобой перед появлением нашей старшенькой тренировал, как нужно правильно ребёнка спать укладывать, а мы тогда не поняли.

– Как тут понять, – вздыхает, – если спать не больше четырёх часов и удавалось-то.

– Интересно, а где он теперь?

– Чую, говорили, забрали морские тральщики, уходя к новым местам дислокации, а Тошку после сокращения дивизиона забрал замполит к себе, увольняясь в запас.

– Олег Анатольевич?

– Точно.

– Так ведь он же, кажется, не собирался увольняться.

– Не собирался, да замполитов почти сразу после нас с тобой отправили на выход, мне про то, наш дивизионный механик Рыбалов поведал.

– А его-то ты, где видел?

– В нашем в головном офисе сегодня встретил, приходил по объявлению в сторожа устраиваться.

– А как же Антилопа? – округляет глаза девушка. – Он же на ней должен был куда-то в конце навигации на Ладогу к пионерам в клуб юных моряков отправиться.

– Да, не на Ладогу, за Ладогу... в Старую Руссу!.. Сказал, что так всё и случилось, доставил, да не успел ещё обратно вернуться, как приказ о его демобилизации и передислока-

ции оставшихся кораблей в другую гавань подоспел.

– А что ещё... про наших... рассказал?

– Про наших? – вздыхает бывший дивизионный специалист – Почти ничего. Говорит, что, когда вернулся, кораблей в гавани уже не было.

– А помнишь?.. – отвлекает его жена. – Как ты к нам в дом кошку притащил?..

– Это не я, это ты её притащила.

– Я-то её только заметила, – смеётся, – а ловил-то для меня её кто?..

– Этого я уже и не помню, может и я, но зато хорошо помню, что она тоже спать по ночам не давала.

– Не давала, – хитро кивает, – ей тоже с тобой играть хотелось, а ты в неё тапками кидался.

– Ну так было за что, вот и кидался легонько.

– Вот она и сбежала на третий день от нас через открытую форточку.

– Вовремя, кстати, сбежала, – улыбается Феликс, – она ж мне напоследок в ботинок по большой нужде сходила.

– Это она тебя одарила напоследок.

– Нашла способ, подумаешь, разочек тапочки кинул...

– А, помнишь, – вдруг что-то вспомнив, говорит девушка, – как мы с тобой рано утром пока все спят – тебе в гавань на подъём личного состава, мне на завод к утренней смене – крались в душ по длинным тёмным неотопливаемым коридорам на ощупь из нашей комнаты гуськом, взявшись за

руки, словно паровозик из Ромашкова.

– Помню, конечно, и дни наших дежурств по уборке того самого бесконечного коридора. А тут, кстати, как дежурства организованы?

– Тут не так, – вздыхает, нехотя выныривая из того непростого, но счастливого для них времени общих свершений и каждодневных побед. – Здесь за каждой комнатой закреплена территория ответственности и каждый убирает только её.

– Ну, что ж, и так можно, – кивает Феликс. – И что за нами закреплено?

– Кухня.

– Та самая... со зверинцем?

– Угу.

– И не уж-то целиком? – весело вскидывает брови.

– А кому легко? – улыбается жена в ответ. – Мы ж с тобой тут новенькие, вот нам самое хлопотное место и досталось.

– Странно, а мне всегда казалось, что туалет куда как хлопотней кухни будет.

– Ты бы видел ту кухню.

– И что там, кроме насекомых?

– Та-ам, – в ужасе таращит глаза. – Плита, не только нерабочая, она, кажется, целый век не мылась, а про раковину, окно, стены и пол я и говорить не стану.

– Так может, с кухни и начнём наш ремонт на новом месте.

– Ты что, Феликс, с ума сошёл, что ли?.. У нас с тобой деньги лишние завелись?

– Ну, так ведь отмывать придется.

– Ничего, отмою как-нибудь. Это моя забота, а ты лучше узнай, где здесь можно ремонт плит заказать, а заодно и обои недорогие купить для нашей комнаты.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

Поздний вечер или уже, пожалуй, почти ночь.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Начало девяностых... Начните писать текст новой главы

Глава 3 – "Странные люди, или Люди и собаки"

...Начало девяностых.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Поздний вечер или, видимо, уже точно... начало ночи.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

– Как скажешь, товарищ жена, – снова нарочито бодро, чтоб как-то поддержать свою жену, выдыхает вчерашний скоропалительный отставник из рядов военно-морского флота по случаю массового сокращения его личного состава старший лейтенант запаса Феликс Стариков. – Ну, а ещё про каких своих новых странных знакомых, окружающих нас здесь, в нашем новом временном пристанище ты мне поведаешь?..

– Ничто так не постоянно, как временное, – шепчет мужу на ухо утомлённая долгим нескончаемым днём девушка, едва разменявшая второй десяток, только-только уложив своего годовалого сынишку и трехлетнюю дочурку спать в разборные кресла, плотно прижатые к их с мужем полутора спальной тахте.

– Согласен, – улыбается тот в ответ своей такой же, как и у неё, юной, почти ещё не тронутой утратами времени и судьбой, улыбкой, – философ ты наш ненаглядный, но всё же.

– Да много кто, – задумывается Малышка, – вон, к примеру, соседи слева от нас тоже весьма необычные. Они даже чуть младше нас, первый год вместе, ребёнку едва-едва три месяца исполнилось...

– А с этими-то, что не так?

– Да всё вроде б и так, – жмет плечами, – и ребята вполне, казалось бы, нормальные, улыбчивые, весёлые, оба... с Украины приехали на завод года два или три назад по комсомольской путёвке на заработки, здесь и познакомились, женились, а теперь вот домой возвращаться собрались, да никак не могут решить к кому.

– Как это... к кому?

– Ну, он-то сам, вроде как с востока республики, родители, говорит, им уже давно четырехкомнатную квартиру купили, ждут, а она откуда-то с запада, ехать туда, к ним на восток, не хочет.

– Вот же недотёпа, – с жаром отзывается Феликс. – Чего тут думать-то?.. Ехать нужно пока дают, свой собственный дом для семьи – самое главное, тем более на родине, в своих краях.

– Так-то оно, конечно, так, – кивает жена, – да у них там какие-то разногласия.

– Какие ещё разногласия?

– Ну, не знаю какие, говорят, мол, язык на востоке и западе разный, не тот.

– Какой ещё не тот?.. Русский язык он и в Африке... русский.

– Так то ж в Африке, а на Украине, он у них разно диалектный.

– Ну, милая моя, тебе, как профессиональному лингвисту, конечно, это лучше знать, но скажи мне на милость, как можно, переехав из одной области в другую каких-то сто двести, да пусть даже пятьсот, километров в пределах одной страны перестать понимать друг друга, ходя при этом в одни и те же школы, детские сады, дома пионеров, библиотеки, театры.

– Как ты не поймёшь... тут другое, – шепчет девушка, – они же не перестают понимать, даже мы их диалекты тут, в тысячах километров от их дома, без труда понимаем, они не ни могут, они не хотят понимать.

– Не хотят?

– Вот именно, не хотят!

– Да-а уж, – растерянно тянет Стариков. – Об этом-то я как-то и не подумал. Это, пожалуй, посерьёзней расстояний будет. Помню, когда к нам из деревни Новгородской области бабушка приезжала, я её диалект тоже не сразу понимал, но в итоге мне её словечки даже нравились, я их после и в школе на уроках русского употреблял, все удивлялись.

– А эти не удивляются, эти не терпят, враждуют.

– Как они тогда вообще там у себя вместе уживаются?

– Да так вот и уживаются: молодёжь бежит из дома куда подальше от несовместимости родов по России-матушке, где переходят со своего родного диалекта на наш столичный классический, – поясняет Малышка. – И только, по-видимому, здесь, вдалеке от своих мест забывают разногласия кланов, находят себе подобных мытарей и влюбляются друг в друга, как близкие родственные по менталитету души.

– Ну и, слава Богу, что находят... влюбляются, так и должно быть, чтоб эту средневековщину из себя вытравливать, – радостно шепчет Феликс. – Значит всё-то у них, этих наших соседей, хорошо будет, правильно, раз нашли друг друга и не спешат обратно... в свой абсурд возвращаться, не смотря на готовую квартиру.

– Так-то оно, конечно, так: хорошо, что влюбляются и что не спешат в абсурд возвращаться, предпочитая тут по поводу своих диалектов между собой лаяться, но зачем им для этого ещё и псина понадобилась?

– Какая ещё псина?... – таращит глаза муж.

– Мопса, кажется.

— Что за «мос-па» такая?

– Да не моспа, а мопса, то есть, мопс – маленькая такая собачонка, с вытарашенными черными глазками и звенящим лаем.

– И зачем она им? – усмехается. – Для лучшего перевода

своих диалектов, что ли?

– Да кто ж их поймет, вроде как, чтобы ей скучно одной дома не было, пока он на работе.

– Как это одной? – дивится Феликс. – А дочь?

– Вот и я про то говорю, она вместо неё собачку гулять водит, а дочь одну в комнате оставляет.

– Да-а уж, – тянет, – неплохо устроилась.

– А представляешь, какая тут у них какофония на этаже стоит, когда они возвращаются: ребёнок дома навзрыд, и собака в ответ... заходится.

– Представляю, – нервно передёргивает плечами, – машинально убавляя и без того еле слышный звук на их маленьком переносном пятидюймовом «Шилялисе», приткнутом в угол на крохотном кухонном столике у входной двери.

– Да это-то б ещё ладно... – непроизвольно машет рукой Малышка.

– А что ещё?..

– Да, вот и не знаю даже, как это... назвать.

– Да уж назови, как-нибудь, как есть.

– А ещё она рассказывала, что вместе с какой-то там своей подругой с пятого этажа решила на время мужьями поменяться.

– Как это мужьями?.. Они у них перчатки, что ли?

– Не знаю, – с ужасом шепчет.

– Откуда знаешь?

– Так она ж сама хвасталась, – трет глаза от досады.

– Да врёт, наверно.

– Кто её знает?

– Да не может такого быть, – с жаром выдыхает Феликс. –

У них же дочь только-только родилась, а они...

– То-то и оно, что недавно, но она вообще говорит, что тут, в общаге, все так делают, мол, это только на пользу коллективу.

– Она это только тебе говорила?

– Да, нет же... всем – вскидывает глаза полные слёз девушка. – Утром, как только мужики на работу ушли, они там, на балконе, всем женским коллективом нашего этажа на утренние посиделки собрались: покурить, поболтать, да последние новости обсудить...

– А дети?... У них же у всех детишки... маленькие, куда их подевали, с ними-то особенно не разболтаешься.

– Ну, у полковничихи, ты ж знаешь, малышей в доме нет.

– Да неужто и она, жена офицера, там с этими... рассяживается, да эту... слушает?

– Ну, она-то, как раз, и не слушает, сразу сказала той, чтоб не молола чепухи по поводу укрепления коллектива и не морочила никому голову своим распутством.

– Молодец полковничиха! – радуется недавний отставник. – Не зря значит по гарнизонам с мужем помоталась. Ну, а ты-то, что?

– А я вообще... к ним не пошла.

– Вот и правильно сделала! – кивает. – Ну, а остальные

чего молчат?

– А что остальные? – вздыхает девушка. – Слушают, смеются, будто всё так и должно быть, как в порядке вещей, а затем ещё и фильм какой-то новый эротический обсуждали во всех подробностях: и кто, и как, да в какой позе...

– Вот оказывается что они вчера по «видику» на кухне все скопом смотрели. И где только аппаратуру нашли?.. Представляешь, телевизор со встроенным в него кассетным приёмником, ни разу такого не видел, денег стоит, думаю, немалых.

– Так это же двойка молодых.

– Какая ещё двойка?

– Ну, телевизор и видеоманитофон в одном корпусе, – поясняет жена. – Про него она тоже хвасталась. Им его западные родители на рождение внучки прислали. Там у них на границе теперь грандиозная барахолка, на ней за наше вторсырьё всё, что угодно, обменять можно. Говорят, что все помойки Союза теперь туда на продажу челноки везут.

– Поня-ятно теперь, – задумчиво тянет муж, – почему Жиганов, механик с дивизиона Базовых – помнишь? – меня сегодня спрашивал, есть ли у нас в городе открытые свалки металлолома.

– А его-то ты, где видел?

– Да не видел, слышал, – вздыхает, – он мне днём в контору звонил, говорит, телефон случайно у Рыбалова узнал.

– Да неужто прямо из Минной гавани?

– Ну, а откуда ж ещё?

– Так они там? – радуется упоминанию о прошлой жизни Малышка. – А ты говорил, что корабли все передислоцировали.

– Да корабли-то ещё до начала зимы ушли, а штаб, оказывается пока нет.

– Понятно, – улыбается своим мыслям. – А что ещё рассказывал про наших?

– Да ничего такого не говорил, сказал только, что дел по-прежнему невпроворот, много бумажной возни и, что зарплату снова платят с задержками, что семьи с ними и... приходится дополнительно заниматься коммерцией...

– Какой такой... коммерцией?

– Не знаю какой, – вздыхает Феликс, – точно не понял, но, судя по его вопросам о свалках, той самой барахолкой на границах страны, где всё и вся ныне покупают и продают. Видно там, в нашей оставленной гавани, они уже всё, что бесхозно валялось, вплоть до винтов списанного крейсера, брошенных когда-то на молах и числящихся за моей «Антилопой», списали и продали, вот и присматриваются теперь к соседним регионам.

– Да ведь это, наверно, и неплохо даже?... Чище станет во-круг.

– Не знаю, не знаю, может и неплохо, – жмёт плечами, – свалок и помоек поубавится, и денег народ подзаработает, в любом случае лучше, чем всей общагой стриптиз смотреть,

да потом и чьё-то распутство одобрять.

– Хотя-я-я, – помолчав, добавляет, – как подумаю, что офицеры флота российского, как последние бездомные псы на базаре продают вчерашнему и, уверен, завтрашним врагу, пусть даже самое никчемное барахло, аж дрожь пробирает. Вот где настоящая беда, и беда куда, как большая, чем распутье наскучившей друг дружке пары вчерашних комсомольцев-молодожёнов.

– Ты так... думаешь?

– Уверен! – горестно сверкают его глаза от безысходности, в которую вдруг незаметно попала вся наша «великая и необъятная». – Эти – просто похотливые сучки, а те – волки, псы без рода и племени!..

– Что ж, как не крути, – успокоительно гладит его жена по голове, – нас снова ждёт впереди «вечный бой».

– «...Покой нам только снится...»! – подхватывает уверенно муж.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

Поздний вечер или, видимо, уже точно... начало ночи.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Начало девяностых...

Глава 4 – "Розовая табуретка"

...Начало девяностых.

Зима. Мягкий пушистый снег за окном.

Поздний вечер, точнее... уже начало ночи.

В окне заводского общежития на улице Федюнинского в ближайшем пригороде большого города по-прежнему одиноко горит тусклый желтый свет от редких вольфрамовых ламп.

– Да, с тобой точно... не соскучишься, – шепчет мужу на ухо утомлённая долгим нескончаемым днём девушка, едва разменявшая второй десяток, только-только уложив своего годовалого сынишку и трехлетнюю дочурку спать в разборные кресла, плотно прижатые к их с мужем полутора спальной тахте.

– Конечно, не соскучишься, – снова нарочито бодро, чтоб как-то поддержать свою жену, выдыхает вчерашний скоропалительный отставник из рядов военно-морского флота по случаю массового сокращения его личного состава старший лейтенант запаса Феликс Стариков. – Ну, выкладывай, с какими ещё новыми странными людьми, окружающими нас здесь, в нашем новом временном пристанище, ты познакомилась?..

– Ничто так не постоянно, как временное, – улыбаясь, отвечает ему его Малышка.

– Согласен, – улыбается и тот в ответ своей такой же, как и у неё, юной, почти ещё не тронутой утратами времени и судьбой, улыбкой, – философ ты мой ненаглядный, но всё же.

– Да ладно, чего уж там? – вяло машет она рукой, давая понять, что не о чём тут больше говорить. – Здесь, в этом общежитии, пожалуй, все люди странные, не такие как у нас в Минной гавани были. А помнишь, – оживает, – как у нас там, на старом месте мичман-сосед с морских тральщиков – это ж ещё до начала Перестройки, кажется, ещё было! – с женой поссорился и открыл стрельбу из охотничьего ружья прямо в комнате по картинам. А стенки-то там... у нас фанерные были, словно и нет их.

– Помню-помню, – задорно улыбается парень, – только не поссорился он с ней, а поспорил.

– Какая разница, поспорил, поссорился, главное, что палить во все стороны начал. И как только не уложил кого-нибудь из соседей?

– Ну, понервничал человек малость, – смеётся. – Да и как тут не занервничать, когда речь зашла о продаже ружья. Ей, видишь ли, денег на покупку запорожца не хватало, вот она это и сказала, мол, всё равно стрелять не умеешь, ни одной даже жалкой дичи с охоты ни разу не принёс, а так хоть польза от этой рухляди будет

– И что?

– Да, ничего! Вот он и решил ей доказать, что умеет стре-

лять: вначале вместо уток – пальнул с обоих стволов по воронам, что каркают, с его слов, словно она, к ним в окно каждое утро, а затем разгорячился и по картинам пальнул для остротки.

– Попал?

– Не-е, – закрыв ладонью рот, давится от хохота, – и не мог попасть, у него ж ружьё холостыми хлопущками было заряжено. Это ж он так... для остротки бабахнул, чтоб жену напугать, да от мысли о продаже отвадить. Ружьё-то ему-то от деда досталось. Это же память, понимать надо! А на охоту он с друзьями товарищами так просто... пообщаться ходит, отдохнуть от службы и... жены.

– Вот, значит, почему, – снисходительно улыбается жена в ответ, – вы с механиком тогда так смело к нему в комнату отнимать ружьё кинулись, знали, что оно безопасное.

– Совсем даже и не знали!.. Откуда?.. Он про то лишь на партсобрании поведал – пришлось ему признаваться, а то, глядишь, дело б и до суда дошло иль психушки. А так – повезло, отделался лёгким испугом: выговором, да конфискацией ружья в пользу... комдива.

– Что ж, правильно решили, – кивает. – А деньги-то ему, хотя б какие-то, заплатили?

– Не знаю, но, судя по появлению автомобиля у жены мичмана, заплатили.

– Ну вот, правду говорят: хорошо то, что хорошо заканчивается!.. – радуется девушка. – А помнишь, как однажды

там же в комнате под нами какой-то капитан-лейтенант со службы размагничивания ночью явился с компанией и врубил свой японский транзистор на полную мощность.

– Как не помнить? – улыбается Феликс. – Ты ж тогда мне прямо в дивизион по служебным каналам каким-то чудом дозвониться умудрилась. Всех на уши поставила, заяви, что в общежитие нашествие хулиганов.

– А как по другому-то?.. Если этого бездельника никто урезонить не мог. Вся женская половина общаги к его двери на грохот собралась, мужиков, как на грех, никого дома нет – все в гавани по штормовой готовности, а этот забаррикадировался в своей конуре, да пуще прежнего громкость добавляет.

– Спасибо нашему начальнику штаба, – весело подхватывает Стариков, – он тут же сориентировался и отправил меня к вам наводить порядок.

– А что, кстати, ты тогда сотворил, что так быстро утихомирил этого умалишенного.

– Да ничего такого особенно, – нарочито серьезно хмурит брови, – маленькая техническая хитрость.

– Он после твоего быстротечного появления, а затем такого же внезапного исчезновения, всю ночь по коридорам полураздетый бегал, грозил нас всех в политотдел базы вызывать.

– Да он и вызвал, – не выдержав, хохочет Феликс. – Да только ему ж за ту выходку и досталось, а меня лишь слегка

пожурили за нарушение техники безопасности.

– Вот как?

– Ну, да! – жмет плечами. – Я ж ему за неимением времени объясняться просто взял и кусок силового провода в щитке на вводе в комнату вырезал, вот он без электричества до утра и остался. Правда и меня при этом, могло немного тряхнуть, да я аккуратно, как Листопадов, электрик с Антилопы, в прошлый раз показывал, подключая нашу с тобой комнату.

– Вот здорово, – округляет глаза жена. – И что он?

– А что он?.. Где он ночью провод найдёт, да специалиста по ремонту. А с утра он, как и обещал, всё разузнав, жаловаться в политотдел помчался, мол, молодые лейтенанты с дивизиона рейдовых тральщиков совсем распоясались их, стариков вспомогательного флота, ни во что не ставят, не замечают.

– Ну вот, – счастливо улыбается, – и вправду: хорошо то, что хорошо... заканчивается, справедливо... как надо!

– Согласен! – кивает муж. – Кстати, совсем забыл, я ж по дороге домой тебе грузинский мандариновый сок купил, – достает из-под стола огромную трехлитровую банку. – Не смог пройти мимо.

– Ничего себе, – радостно шепчет Малышка. – Два года мандарины не ели, такие очереди за ними теперь везде и всюду стоят, хотя и цена, казалось бы, запредельная. А тут гляди-ка, такое богатство: три литра сока, это ж не меньше пяти

килограммов фруктов.

– Вообще-то я две банки купил, – виновато улыбается Феликс, аккуратно открывая банку. – Да пока их тащил на четвертый этаж, одну банку слегка о батарею зацепил, не донёс.

– Жалко, – жмурится от удовольствия девушка, вдыхая аромат южного экзотического фрукта, неожиданно празднично наполнившего их комнатушку.

– А уж мне-то, как жалко, хоть и достались почти даром, по «догайдаровским» ценам.

– Видать срок годности вот-вот выйдет?

– Думаю уже вышел, – отзывается Стариков, – вот они эти банки под шумок в овощном ларьке и сбавливают.

– Не знаю, не знаю, но на вкус очень даже вкусно, чуть горчит только, – вожаком шепчет. – А, помнишь, – вдруг вспыхивает, – как мы с тобой, на первое наше новоселье, десятью бутылками такого же вот мандаринового сока весь твой экипаж «Антилопы» напоили.

– Помню, конечно, – подхватывает, – а ещё помню, как прежде чем отпраздновать то новоселье, мы с боцманом и механиком дверь, словно заправские плотники, вскрывали, а затем ещё по всем правилам юриспруденции опись с понятиями составляли, а после, как рыцари на ратном поле, рукопашный бой на юте Антилопы с превосходящими силами соседнего дивизиона приняли. А ещё помню, как...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.